

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ¹).

(Изъ его воспоминаній и воспоминаній о немъ).

Здѣсь будетъ умѣстно рассказать случай, вышедшій въ самомъ началѣ дѣйствій училищной конференціи Александровскаго училища. Б. А. Шванебахъ являлся человекомъ чрезвычайно мягкимъ и въ самой высокой степени деликатнымъ, не говоря о томъ, что онъ не могъ представить себѣ мысли о появленіи въ стѣнахъ училища пьянаго юнкера или о практикованіи въ училищѣ пьянства,—онъ, кромѣ того, съ глубокимъ оскорбленіемъ чувства собственнаго достоинства взиралъ на проявленія какой бы то ни было грубости въ обращеніи юнкеровъ между собой или съ кѣмъ-либо вообще и всякими путями, со свойственнымъ ему тактомъ, искоренялъ малѣйшій намекъ на него.

Однажды, послѣ того, что даже его долготерпѣніе начало истощаться, онъ, высказавъ предупрежденіе, не выдержалъ, когда вновь лично натолкнулся на то, что одинъ изъ юнкеровъ—Меселовъ, выругалъ отборно неприличными словами своего товарища Орлика, отъ котораго получилъ еще менѣе приличную отвѣдь,—Б. А. тотчасъ же передалъ это дѣло на обсужденіе конференціи. Въ надеждѣ на то, что указаніе, которое выйдетъ отъ нея, заставитъ юнкеровъ быть сдержаннѣе, приличнѣе и благоразумнѣе, Б. А. съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня засѣданія конференціи.

Подробности того, какъ все въ этомъ засѣданіи произошло, намъ тогда извѣстны, конечно, не стали, но каково было наше удивленіе и пораженіе, когда въ результатъ разбора дѣла оказалось рѣшеніе,—обоихъ юнкеровъ,—и Меселова и Орлика,—исключить изъ училища, предоставивъ имъ самимъ избрать

¹) См. „Русск. Стар.“, ноябрь 1914 г.

для себя что угодно—отправление домой или переводъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ юнкерами же?

Прошло нѣсколько дней, не было конца толкамъ и рѣшеніямъ среди насъ объ этомъ случаѣ, сдѣлавшемся событіемъ первой важности. Мы вспомнили о томъ, что столь жестоко пострадавшіе были не только самые близкіе товарищи одного корпуса—1-го Московскаго, въ которомъ шли вмѣстѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ, но они были земляки,—оба съ Кавказа, гдѣ были знакомы домами и малютками видѣлись, какъ родные, еще находясь въ родительскихъ домахъ;—все это, какъ намъ казалось, должно было бы вызвать больше снисходительности къ ихъ поступку и заставить конференцію взглянуть мягче на взаимно нанесенныя ими другъ другу обиды.

Нѣкоторые ротные офицеры, не выдавая ничего изъ того, что произошло на засѣданіи конференціи, старались выяснить намъ, какимъ большимъ проступкомъ противъ чести считается вообще нанесеніе однимъ офицеромъ другому обиды и насколько непозволительно оставленіе такого поступка безъ самаго строгаго отвѣта.

Третьей роты командиръ—л.-гв. конно-гренадерскаго полка шт.-ротмистръ Александръ Германовичъ фонъ-Бринкманъ и ротный офицеръ—л.-гв. егерскаго полка штабсъ-капитанъ Григорій Васильевичъ Крюковъ дополняли это поясненіе тѣмъ, что конференція могла бы снизойти къ полному незнанію провинившимися всей важности такого дѣла, но вообще такое незнаніе въ извѣстные годы считается большой и неизвинительной наивностью.

По прошествіи нѣсколькихъ дней былъ назначенъ сборъ всѣхъ ротъ для выслушанія рѣшенія конференціи; нѣкоторые съ горькимъ чувствомъ говорили, что предстоитъ „приведеніе этого рѣшенія въ исполненіе“ (сентенція).

Мы собрались въ залъ, игравшемъ по-корпусному роль троннаго; каждая рота, составляя одинъ фасъ, стояла при ротныхъ офицерахъ со своимъ ротнымъ командиромъ во главѣ; тутъ же находился батальонный командиръ подполковникъ Лобода, а также инспекторъ классовъ полковникъ Слуцкій и его помощникъ поручикъ Юшеновъ. Осужденные Меселовъ и Орликъ, имѣя крайне печальный видъ, стояли на серединѣ зала, въ самомъ центрѣ образовавшагося такимъ образомъ каре.

Прибылъ Б. А. Шванебахъ и, коротко объявивъ суть рѣшенія конференціи, началъ въ довольно пространной рѣчи выяснять значеніе продѣланнаго приговоренными поступка, при

БОРИСЪ АНТОНОВИЧЪ
ШВАНЕБАХЪ.

этомъ онъ больше всего винилъ себя въ томъ, что не сумѣлъ достаточно внушить намъ съ самаго начала, какое тяжкое обвиненіе ложится на каждого, рѣшающагося нанести оскорбленіе сослуживцу или вообще товарищу; затѣмъ какъ бы обращаясь къ офицерамъ, онъ сказалъ: взгляните, господа, на эти двѣ жертвы моей вины, если бы я съ большею твердостью изощрился разъяснить юнкерамъ все касающееся этого рода поступковъ,—Меселовъ и Орликъ не были бы доведены до такого положенія, въ какое поставлены теперь моей неумѣлостью, моимъ промахомъ, т. е. всецѣло моей виной, которую исправить я теперь не могу найти и не нахожу способовъ.

Затѣмъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ, не спуская глазъ съ осужденныхъ: господа офицеры, господа члены конференціи, дайте мнѣ возможность поправить мою вину, а главное поправить тяжкую бѣду, въ которую я втянулъ эти двѣ жертвы! дайте свое согласіе на отмѣну нашего рѣшенія, уничтожимъ его, возвратимъ все понесшимъ несчастную кару, забудемъ случившееся, поставимъ все въ такое положеніе, какъ будто ничего не вышло, дадимъ имъ возможность начать новую жизнь, повѣримъ, что не только съ ними ничего подобнаго никогда въ жизни не случится, но и никто у насъ впредь не продѣлаетъ ничего даже похожаго на свершившееся; я васъ прошу, дайте мнѣ ваше согласіе ради этихъ двухъ молодыхъ существъ, виновныхъ положительно моей виной, принявшихъ на себя мое преступленіе.

Б. А. замолкъ и обвелъ глазами офицеровъ; они поклонились, при этомъ среди нихъ послышались глухимъ голосомъ произнесенныя слова: согласны, мы согласны; у нѣкоторыхъ юнкеровъ навернулись слезы, а приговоренные, слыша совершенно неожиданную вѣсть о внезапной перемѣнѣ ихъ участи, протянули другъ другу руки и залились горькими слезами; казалось, то были слезы раскаянія.

Вся эта трогательная сцена представлялась тяжкою для всѣхъ и лишь исходъ ея облегчилъ душу каждого. Многіе изъ насъ никогда ее не забыли.

Черезъ полгода послѣ этой исторіи и Меселовъ, и Орликъ, оставшись нашими товарищами, были произведены въ офицеры по первому разряду; оба они впоследствии прекрасно служили на Кавказѣ и съ отличіемъ участвовали въ освободительной войнѣ 1877/78 гг., при чемъ Орликъ командовалъ въ одномъ изъ славныхъ боевыхъ кавказскихъ пѣхотныхъ полковъ ротой, заслужившей боевыя отличія, а Меселовъ, переведенный въ

артиллерію, командовалъ дивизиономъ и все время отличался, нанося не мало поражений турецкимъ отрядамъ своей особо мѣткой стрѣльбой въ многочисленныхъ стычкахъ съ врагомъ. Было принято за правило,—посылать орудія подъ его командой въ болѣе трудныя, опасныя мѣста,—объ этомъ много рассказывали кавказцы между собой и въ военное время, и впоследствии при мирномъ допoлненіи изученія курса стрѣльбы въ учебныхъ батареяхъ, и въ учебной артиллерійской школѣ въ Царскомъ Селѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда изъ Меселова выработался особо удачный батарейный командиръ, тѣмъ дававшій немало удовольствіи Б. А. Шванебаху, всегда вспоминавшему свой порывъ, приведшій къ спасенію пары повздорившихъ между собой юнкеровъ его училища.

* * *

Какъ-то весной 1864 года, когда всѣ мы готовились къ экзаменамъ, Б. А., въ веселомъ расположеніи духа, обошелъ роты и объявилъ, что экзамены будутъ держать только юнкера младшаго класса; старшій же классъ будетъ немедленно произведенъ въ офицеры безъ экзамена.

Это было на страстной недѣлѣ; 23-го мая того года состоялся Высочайшій приказъ о производствѣ, вообще по военно-учебнымъ заведеніямъ; въ послѣдніе дни мая мы перешли въ старшій классъ по экзамену, а вскорѣ къ намъ было переведено изъ кадетскихъ корпусовъ до ста семидесяти новыхъ товарищей—юнкеровъ младшаго класса; въ тотъ годъ переводъ въ Александровское училище состоялся изъ двухъ — 1-го и 2-го московскихъ корпусовъ, а также изъ Владимірскаго-Кіевскаго и изъ Петровскаго-Полтавскаго.

Въ началѣ іюня, вновь сформированный батальонъ училища двинулся въ лагерь на Ходынки подъ свою музыку и съ такими пѣснями, какія онъ за годъ передъ тѣмъ пѣлъ въ присутствіи Государя въ лагерь подъ селомъ Коломенскимъ у Савкина оврага ¹⁾).

На лѣвомъ флангѣ пѣхотнаго армейскаго лагернаго расположенія на Ходынскомъ полѣ для насъ за оврагомъ былъ разбитъ аккуратный, небольшой лагерь, при чемъ самъ Б. А. Шванебахъ смотрѣлъ за его постройкой; ручьемъ, который протекалъ по дну оврага, онъ, расширивъ это дно, прекрасно, какъ военный инженеръ, воспользовался для того, чтобы вы-

¹⁾ См. „Русск. Старина“ 1914 г. январь, стр. 163.

рыть для насъ довольно глубокой и просторной прудъ съ прочной ключевой водой, а на берегу его возлѣ шлюзъ выстроилъ намъ баню.

— Чистота,—говорилъ онъ,—первое дѣло въ жизни; купайтесь въ озерѣ и мойтесь въ банѣ во всякое время; воды тамъ имѣется въ изобиліи, вамъ разрѣшается брать ее, сколько захотите; добывайте себѣ чистоту и держите подаренную вамъ драгоценную постройку тоже въ полной чистотѣ.

Это было дѣло, на которомъ онъ впервые показалъ свою необыкновенную практичность; впоследствии оказалось, что онъ вообще ею славился.

* * *

Показалось ему, что мы въ строевомъ отношеніи мало дѣлали успѣховъ. Б. А. не разъ говаривалъ: я хочу положительно, чтобы вы преуспѣвали не только по дѣлу, которое держать въ рукахъ излюбленные вами профессора, но хочу и обязанъ видѣть ваши успѣхи и въ специальности, для которой мы собраны.—т. е. по фронту и вообще въ чисто военномъ отношеніи.

Разговаривая нерѣдко на эту тему, Б. А. исходатайствовалъ черезъ Н. В. Исакова о командированіи знатока фронтовой части полковника Михайлова къ намъ въ лагерь на лѣто отъ образцоваго полка. И вотъ два лагерныхъ сбора—1864 и 1865 г. этотъ почтенный штабъ-офицеръ, фронтовикъ, носившій мундиръ л. гв. Семеновскаго полка, проживалъ у насъ на Ходынкахъ, имѣя квартиру въ мѣстѣ расположенія нашего лагеря;—обучалъ онъ насъ фронту и посѣщалъ всѣ наши ученья, а также смотры,—а затѣмъ дѣлалъ свои замѣчанія, которыя намъ высказывалъ въ назиданіе и въ поученіе.

Оба года у насъ на царскомъ смотре все сошло прекрасно; мы представлялись одновременно съ армейскими полками, не отставая отъ нихъ и на парадѣ, и на линейномъ ученьи, и на маневрахъ;—Государь все время хвалилъ насъ и очень благодарилъ какъ Б. А. Шванебаха, такъ и нашихъ офицеровъ. Однажды, выслушавъ отъ Государя благодарность, Б. А. при насъ рѣшился доложить Его Величеству, что больше всѣхъ старался насъ учить полковникъ Михайловъ. Государь, разсмѣявшись, сказалъ: знаю, знаю, ты всегда и во всемъ найдешь кого-нибудь больше тебя заслуживающаго; успокойся, Михайлова я особо поблагодарю за его старанье на вашу пользу.

И, дѣйствительно, милостью Государя, онъ былъ награжденъ въ то лѣто орденомъ, а въ слѣдующее подаркомъ по чину.

* * *

Въ первое лѣто по поводу нашихъ смотровъ случился небольшой эпизодъ, въ связи съ которымъ вышла крупная неприятность.

Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда Государя изъ Москвы исправляющій у насъ обязанности казначея шт. капитанъ л. гв. Егерскаго полка Григ. Вас. Крюковъ получилъ распоряженіе явиться въ Московское комендантское управленіе за деньгами для юнкеровъ и ему тамъ была передана нѣкоторая сумма, изъ которой онъ долженъ былъ выдать каждому юнкеру болѣе трехъ рублей. Какъ онъ ни отговаривался отъ этихъ денегъ, полагая тутъ недоразумѣніе,—получить ихъ ему пришлось и онъ пріѣхалъ съ ними въ училище. Доложили Б. А. Шванебаху.— Онъ сообразилъ, какая это сумма, и объяснилъ, что „выдали ее съ непривычки“; дѣло въ томъ, какъ онъ объяснялъ,—что представляясь Государю на смотрахъ, мы были вносимы въ общій строевой рапортъ; Государь, объявляя „нижнимъ чинамъ“ спасибо, назначалъ имъ за каждый смотръ извѣстную сумму въ награду; общее количество денегъ выводилось по тому рапорту на всѣхъ, значившихся въ немъ; никто не обратилъ вниманія на то, что въ списокѣ нижнихъ чиновъ, между прочимъ, стоитъ до 250 человекъ училищныхъ юнкеровъ, которые хотя и считались нижними чинами, но такого довольствія получать не должны были. Разрѣшая это дѣло по существу Б. А. нашелъ, что возвращать тѣ деньги не приходится, ихъ, нужно принять и потому онѣ въ тотъ же день были розданы намъ по списку.

На другой день утромъ, Б. А., прибывъ по обыкновенію къ намъ, между прочимъ держалъ намъ такую рѣчь: по поводу того, что ходатайство мое объ увеличеніи намъ денежнаго отпуска на улучшеніе обуви, обѣщаютъ удовлетворить не ранѣе, какъ черезъ два года,—когда вы (т. е. теперешній составъ училища) не будете имѣть возможности воспользоваться этимъ, а переданныхъ мною вамъ на руки денегъ, составляющихъ нормальное ассигнованіе на это дѣло, дѣйствительно мало,—я надумалъ вамъ порекомендовать воспользоваться случайно доставшеюся намъ суммою за царскіе смотры: истратить ее недолго и на фрукты, и на арбузы, а лучше было бы, если бы она пошла въ расходъ именно на болѣе щегольскую обувь, въ которой мы теперь болѣе всего испытываемъ нужду.

Намъ эта мысль понравилась, три рубля сумма такая, ко-

тору на улицѣ не поднимаешь, а добавленная къ девяти рублямъ, составляющимъ годовой отпускъ на сапоги, она увеличиваетъ его на цѣлую треть, т. е. сдѣлаетъ изъ 9 рублей—12. Большинство изъ насъ приняло это рѣшеніе и стали строить планы на этотъ счетъ.

Не прошло двухъ-трехъ часовъ, какъ по училищу разнесся слухъ, который скоро, къ ужасу для насъ, оправдался: трое юнкеровъ были ночью застигнуты полиціей выходившими въ пьяномъ видѣ изъ „доскутнаго трактира (на Тверской улицѣ); фамиліи ихъ были узнаны и объ нихъ прислано подробное, крайне тяжелое, донесеніе Б. А. Шванебаху. Такого событія перенести онъ не былъ въ состояніи; послѣ нѣкотораго разслѣдованія, онъ отъ попавшихся несчастныхъ узналъ, что они на отпущенныя деньги отправились въ большой театръ, а послѣ спектакля, „слегка поужинали“ въ доскутномъ трактирѣ.

Безъ промедленія былъ собранъ составъ конференціи и тотчасъ же три юнкера изъ бывшихъ кадетъ: 1-го Московскаго корпуса Рушковъ, 2-го Московскаго Бѣдняковъ и Орловскаго Слеторскій, получили распоряженіе конференціи выбрать и объявить о томъ, какъ захотятъ рѣшить свою участь?

Всѣ трое пожелали выйти домой и были выпущены.

Лично мнѣ Рушковъ былъ тѣмъ близокъ по корпусу, что въ 1854 году насъ двухъ—тогда семилѣтнихъ мальчиковъ въ одинъ день, 19-го августа, доставили для опредѣленія въ малолѣтнее отдѣленіе 1-го Московскаго корпуса—такъ мы вмѣстѣ, всѣ десять лѣтъ, шли по классамъ до самаго этого злополучнаго дня.

Отъ времени до времени онъ, уже уволенный, заезживалъ въ училище на свиданіе съ болѣе близкими изъ своихъ бывшихъ друзей; мы вообще, жалѣя его, какъ добраго товарища, охотно проводили время въ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ проживалъ въ Спасскихъ казармахъ на Садовой улицѣ на квартирѣ своего старшаго брата, вышедшаго въ офицеры изъ 1-го Московскаго корпуса въ Ростовскій Гренадерскій полкъ за годъ до образованія военныхъ училищъ.

Съ теченіемъ времени оказалось, что, не желая терять время даромъ, Рушковъ умудрился, при помощи этого брата, подготовиться и поступить въ Московскій университетъ, въ которомъ и слушалъ лекціи; мы это очень одобряли; не нравилось намъ лишь то, что онъ наряжался въ цвѣтную рубаху съ косымъ воротомъ; это тогда преслѣдовалось быть можетъ менѣе, чѣмъ

теперь, но вообще считалось крайне непорядочнымъ и предосудительнымъ.

Однажды, придя къ намъ черезъ нѣсколько недѣль, помнится, въ дни масленицы, онъ оказался нѣсколько выпившимъ, при чемъ настойчиво просилъ насъ выслушать его и помочь ему снять съ его совѣсти то, что, оставаясь на ней, угнетало его до невозможности.

- Я не могу себѣ простить, что не высказалъ объ этомъ нашему Борису Антоновичу тогда же, когда мы попались; съ Бѣдняковымъ мы не разъ про это говорили; онъ также хочетъ явиться въ училище, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать объ этомъ заявленіе.

Дождавшись прихода ихъ вдвоемъ, мы узнали, что они, покутивши въ лоскутномъ, въ сущности, продѣлали это не въ первый разъ; имъ это было въ привычку, но Слеторскій рѣшительно никогда не пилъ и въ тотъ разъ, пойдя съ ними въ трактиръ изъ театра, рѣшительно отказывался пить; они же, выпивши немного, посмѣялись надъ нимъ, пристыдили его, назвавъ бабой, и, такимъ образомъ, какъ бы принудили выпить; съ двухъ рюмокъ онъ совершенно опьянѣлъ; въ этомъ, можно сказать, была вся суть нашего несчастья, говорили они; мы сами не такъ опьянѣли, чтобы не добраться въ училище на твердыхъ ногахъ; его же пришлось почти тащить,—онъ упрямился, спорилъ, шумѣлъ, отъ этого и городской обратилъ на насъ вниманіе. Все это вынуждаетъ насъ сдѣлать по совѣсти заявленіе и хлопотать объ несчастномъ, такъ какъ онъ собственно пострадалъ зря изъ-за насъ.

Б. А. Шванебахъ очень горячо принялъ къ сердцу это сообщеніе, далъ ему вѣру и значеніе, энергично взялся за дѣло и очень скоро, списавшись съ родителями Слеторскаго, обернулъ все такъ, что они получили распоряженіе доставить несчастнаго обратно въ училище къ началу предстоявшаго лагернаго сбора, т. е. къ началу іюня мѣсяца: Слеторскій былъ вновь опредѣленъ въ училище, прекрасно шелъ по классамъ и былъ выпущенъ въ сѣцеры черезъ годъ, потерявъ его такимъ образомъ, въ сравненіи со своими сверстниками, изъ-за этой „лоскутной“ крайне нецрїятной исторіи.

Вспоминая этотъ эпизодъ впоследствии во время нашихъ обѣдовъ, Б. А. всегда высказывалъ большую радость: чтобы такъ спасти человѣка, надо было громадное счастье; не могъ я благодариться и нарадоваться добросовѣстности покутившихъ съ нимъ товарищей, говорилъ Б. А.; были моменты, въ которые

являлась у меня мысль,—прийти въ чемъ-нибудь и имъ на помощь, но они наотрѣвъ отказывались отъ всего: Рушковъ не хотѣлъ бросить свою университетскую дорогу, которая у него пошла съ большой удачей, а Бѣдняковъ, внезапно оказавшись очень богатымъ наслѣдникомъ своего родного дяди и получивъ отъ него большое состояніе, зажилъ себѣ помѣщикомъ въ одной изъ центральныхъ губерній.

Возвращаясь къ вопросу о сапогахъ, нельзя пропустить, что сумма, случайно пожалованная намъ Государемъ, послужила для насъ большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ нашего щегольства обувью. Швенебахъ же, въ ожиданіи отсрочки въ долгій ящикъ добавленія намъ ассигновки на сапоги, умудрился изыскать путь къ улучшенію этого дѣла: съ новаго 1864 года,—когда юнкера, по его распоряженію, сами начали завѣдывать своимъ продовольствіемъ, онъ предложилъ изъ суммъ, отпускавшихся на нашу пищу, удерживать ежедневно съ каждаго юнкера въ особый запасный капиталъ по три копѣйки для расходовъ на разныя хозяйственныя нужды училища.

— Въ московскихъ корпусахъ на ваше продовольствіе отпускалось по 14 коп., говорилъ Б. А.; если вся эта сумма расходовалась полностью, то и тогда выходило въ день на человѣка восемью копѣйками меньше противъ того, что мы готовимся теперь тратить при уменьшеніи здѣшняго отпуска на 3 коп., — можно имѣть улучшенную пищу и надѣлать многое по хозяйственной части.

Мы съ полною готовностью изъявили на это свое согласіе и потому сами же тратили и выводили на свою пищу лишь по 22 коп. ежедневно на юнкера.

* * *

Описаніе этихъ легкихъ случаевъ показываетъ, съ какою внимательностью Б. А. относился къ нуждамъ юнкеровъ; имъ можно было вообще считать себя его излюбленными дѣтьми; строгость, проявлявшаяся въ его обращеніи, была отеческою и еще болѣе приравнивала тѣ чувства къ родительскимъ.

Не менѣе внимательно онъ относился и къ училищнымъ офицерамъ; всегда отъ нихъ можно было слышать рассказы о той заботливости, которую онъ, тщательно и съ полною дели-

катностью, проявлялъ относительно служебнаго положенія каждаго изъ нихъ.

Стараясь относиться ко всѣмъ одинаково ровно, онъ отличалъ большимъ вниманіемъ поступившаго въ училище въ началѣ 1864 года шт. капитана л. гв. Егерскаго (тогда полкъ назывался л. гв. Гатчинскій) полка Григорія Васильевича Крюкова.

Въ короткое время этотъ офицеръ сдѣлался также любимцемъ юнкеровъ, которые всегда говорили, что у Шванебаха онъ отличенъ по высокимъ заслугамъ своимъ.

Интересно отмѣтить отзывъ о немъ Б. А. Шванебаха.

— Достойнѣйшій Григорій Васильевичъ Крюковъ, говорилъ онъ, чисто русскій человѣкъ, славится своею православною религіозностью, всесторонне полонъ христіанскихъ чувствъ, человѣкъ, въ высшей степени нравственный и при своей отмѣнной скромности, — орелъ; это въ особенности Б. А. подчеркивалъ находя въ Крюковѣ задатки прекраснаго, не только строевого, но и чисто боевого офицера; объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ высказывалъ, какъ бы въ видѣ предсказанія.

Скоро онъ провелъ его въ должность командира роты Его Величества, а затѣмъ, не менѣе старательно, при производствѣ въ полковники, повысилъ его на постъ батальоннаго командира въ училищѣ. Вспоминая всю жизнь объ Г. В. Крюковѣ, Б. А. вообще говорилъ въ дополненіе къ вышеприведеннымъ отзывамъ о немъ:—Двѣнадцать лѣтъ я могъ быть совершенно спокойнымъ за состояніе большей части моего училища: шесть лѣтъ подъ его здравымъ руководствомъ находилась Государева рота, а слѣдующія шесть лѣтъ онъ имѣлъ заботу также объ моихъ юнкерахъ, занимая должность командира училищнаго батальона...

Велика же была радость Б. А. Шванебаха, когда онъ узналъ во время войны 1877/8 г.г., что его предвидѣніе сбылось; такъ какъ тотъ самый Крюковъ оказался однимъ изъ наиболѣе отличившихся въ Плевненскихъ дѣлахъ штабъ-офицеровъ.

— Только-что успѣлъ Григорій Васильевичъ получить въ командованіе 12-ый Гренадерскій Астраханскій Наслѣдника Цессаревича Александра Александровича полкъ (впослѣдствіи полкъ Его Величества) и въ октябрѣ пріѣхалъ подъ Плевну, съ ликованіемъ рассказывалъ Б. А.,—а уже 28-го ноября передъ славнымъ подкомъ молодецки заслужилъ георгіевскій

крестъ; и сколько высокихъ похвалъ своему командиру-герою въ одинъ голосъ расточали офицеры - однополчане, передавая рассказы объ его храбрости и объ его боевыхъ подвигахъ, проявленныхъ съ полкомъ въ дѣйствіяхъ противъ Осман-паши при взятіи укрѣпленій Плевны и при плѣненіи самого паши!

* * *

Какъ юнкера, такъ офицеры вообще очень скоро привыкали къ Борису Антоновичу и всегда обращались къ его содѣйствию во всевозможныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ каждому охотно приходилъ на помощь добрымъ совѣтомъ въ имущественныхъ, семейныхъ и во всякихъ другихъ дѣлахъ; всякій несъ къ нему все свое и простое и самое сокровенное съ полнѣйшимъ довѣріемъ, съ полной надеждой получить отъ него совѣтъ, утѣшеніе и облегченіе.

Нерѣдко онъ самъ, видя кого-либо въ затруднительномъ положеніи, прилагалъ свои старанія къ тому, чтобы выяснить обстоятельства, а затѣмъ во-время дружески помочь добрымъ словомъ и указаніемъ наиболѣе удобнаго и легкаго выхода.

Главнымъ образомъ къ нему привлекало именно то, что онъ всегда во всемъ проявлялъ необыкновенную находчивость и съ замѣчательною легкостью изъ всего просто находилъ самый удачный исходъ.

Не всегда при этомъ онъ могъ всюду разсѣивать одно лишь добродушіе: въ его совѣтахъ и отвѣтахъ преобладала серьезность, граничившая съ суровостью, — иначе и быть не могло при томъ условіи, что онъ въ своихъ сужденіяхъ шелъ открыто и держась исключительно на правдѣ; поэтому говорилъ онъ обо всемъ безъ всякаго стѣсненія, изъ-за этого нерѣдко проскальзывала горечь; важнѣе всего было то, чтобы соотвѣтственно обстоятельствамъ, въ концѣ концовъ, выходили благіе результаты.

Хотѣлъ бы рассказами относительно такихъ дѣлъ подѣлиться съ читателями, но не приходится теперь переполнять статью эту сообщеніями массы мелочныхъ воспоминаній, имѣющихся на этотъ счетъ, хотя въ нихъ много содержится чрезвычайно интереснаго; но все это нужно отложить до болѣе удобной минуты. Статья эта и такъ вышла слишкомъ длинною.

Высказывая въ заключеніе взглядъ на Б. А., не могу не упомянуть, что характеръ его, даже судя по нѣкоторымъ разсказаннымъ здѣсь случаямъ, можетъ представиться черезчуръ

мягкимъ и слишкомъ расплывчатымъ; такое мнѣніе можетъ основаться хотя бы на подробностяхъ описанія конца эпизода, вызваннаго крайне строгимъ осужденіемъ двухъ юнкеровъ, нанесшихъ другъ другу оскорбленія. Но нельзя не подчеркнуть, что все это лишь кажущееся; громадная деликатность правдиваго и высокочестнаго Б. А. Шванебаха создавала въ свое время представленіе объ мягкости его характера;—все, что дѣлалъ Б. А. въ своей службѣ и жизни, являлось всегда ясно въ немъ установленнымъ, во всемъ обрисовывалась его устойчивость; онъ не былъ способенъ отступать отъ разъ принятаго и намѣченнаго;—во всемъ у него проглядывала та опредѣленность, которая характеризуетъ начальника съ твердыми убѣжденіями и человѣка, на рѣшеніе котораго можно всегда во всемъ положиться.

Все это въ немъ держалось при полной, свойственной ему, симпатичной мягкости и при отличавшей его необычной, тонкой деликатности...

Въ заключеніе не могу забыть и пропустить бесѣды, которыя мнѣ случилось вести со многими изъ даннихъ товарищей-александровцевъ вскорѣ послѣ появленія въ январской книгѣ „Русской Старины“ начала очерка воспоминаній о нашемъ первомъ начальникѣ Александровскаго военнаго училища.

— Вотъ по истинѣ доброе дѣло придумалъ, спасибо, что вспомнилъ нашего Бориса Антоновича, говорили одни.

— Стоитъ, стоитъ увѣковѣчить на страницахъ нашихъ историческихъ изданій память о такомъ дорогомъ человѣкѣ и начальникѣ, съ искренностью произнесъ другой.

— Продолжай пожалуйста, не медли, съ большимъ нетерпѣніемъ буду ждать продолженія, просилъ третій.

Эти и подобныя рѣчи довелось мнѣ выслушивать отъ товарищей, съ которыми въ тѣ дни пришлось при случайныхъ встрѣчахъ, мимолетно разговаривать по поводу мелочи, появившейся въ той книжкѣ.

Каждый изъ тѣхъ товарищей, встрѣчавшихся и разговаривавшихъ со мной тогда, несомнѣнно самъ вспомнить о нашемъ разговорѣ; не такъ давно онъ происходилъ.

И же теперь, доведя кое-какъ послѣ долгаго промежутка времени, до конца эту памятку о человѣкѣ, дѣйствительно цѣнившимся нами во дни нашей юности, не знаю, удастся

ли свидѣться еще и скоро ли, — обращаюсь въ этой замѣткѣ къ тѣмъ самымъ, встрѣчавшимся и находившимъ нужнымъ бесѣдовать со мной, товарищамъ и прошу ихъ принять мою сердечнѣйшую благодарность за то, что они меня ободрили довести до конца этотъ мой, какой ни на есть, трудъ и дали мнѣ возможность его исполнить; благодарность моя сама собой увеличится до безконечности, если кто-нибудь изъ нихъ же или изъ другихъ товарищей, найдя у себя что-либо болѣе значительное, болѣе подробное, продолжить и дополнить мое писанье о достойнѣйшемъ дорогомъ всѣмъ намъ, доброй памяти заботливомъ Борисѣ Антоновичѣ Шванебахѣ...

Е. Андреевскій.

